

Великій не задумывался надъ тѣмъ, каковъ долженъ былъ быть средній русскій человѣкъ его времени. Его удовлетворяла готовность русскихъ людей сбрасывать, повиняясь царю, московскую старину и, хотя внѣшнимъ образомъ, пріобщаться къ западной цивилизаціи. Увлеченные размахомъ, силой и стремительностью его государственнаго строительства, мы почти не испытываемъ разочарованія, когда узнаемъ о проявленіяхъ его жестокости и о разныхъ недостаткахъ его личной жизни. Мы охотно миримся съ ними, если сознаемъ, что она была не хуже частнаго быта среднихъ владыкъ того времени.

Къ Толстому нужно примѣнить иную мѣрку. Если бы его творчество ограничилось художественными произведеніями, то мы оцѣнивали бы его частную жизнь такъ же, какъ и частную жизнь трехъ вышеназванныхъ и многихъ другихъ крупныхъ представителей челоѣчества. И если на время забудемъ объ его такъ называемыхъ философскихъ сочиненіяхъ, то признаемъ, что тонъ его жизни былъ гораздо выше, нежели у людей нашего времени и его общественнаго круга. Ему были чужды честолюбіе, искательство и тщеславіе сановника или придворнаго; онъ былъ далекъ отъ склонности къ суетнымъ развлеченіямъ, которая захватываетъ съ такою силой людей состоятельныхъ; онъ не зналъ корыстолюбія, которое крѣпко держитъ въ своихъ когтяхъ многихъ людей, занимающихъ вершины обществитія. Семья, близкое общеніе съ природой, непрерывный трудъ, строгая умѣренность относительно многочисленныхъ радостей, которыя отвѣчаютъ на чувственныя влеченія,—такова жизнь Толстого. Не нужно знать ее въ подробностяхъ, дабы поставить ее очень высоко надъ частнымъ бытомъ множества людей, которые занимаютъ верхнія ступени въ наукѣ, искусствѣ или общественной дѣятельности.

Но все это блѣднѣетъ, если припомнимъ завѣты, которые онъ даетъ людямъ, если припомнимъ, что онъ считаетъ личное усовершенствованіе челоѣка основой коренныхъ переменъ въ общественномъ строѣ и не вѣритъ въ возможность истиннаго прогресса безъ отказа людей отъ безцѣленныхъ потребностей, которыя уже упрочились въ широкихъ кругахъ населенія. Дойти до крайнихъ предѣловъ опрощенія въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, сосредоточить свои силы на простѣйшихъ видахъ ручного труда, вдвинуть въ самыя тѣсныя рамки свои умственныя и художественныя запросы, даже стать нищимъ и бродягой—вотъ его идеаль. А кто выступаетъ съ такою проповѣдью, тотъ обязанъ приблизиться къ осуществленію своей мечты. Жизнь Толстого была на всѣхъ пунктахъ очень далека отъ выдвинутаго имъ образца. Огромна разница между проповѣдникомъ, который переходитъ изъ края въ край страны, ограничиваешь потребности только самымъ необходимымъ для поддержанія здоровья, отрѣшается отъ семейныхъ радостей и удобствъ своего роднаго гнѣзда и наполняетъ жизнь проповѣдью излюбленныхъ идей словомъ, перомъ и примѣромъ, и писателемъ, который живетъ съ семьей въ хорошо поставленной, благоустроенной усадьбѣ, въ общеніи съ чуждыми людьми, образованными и простолюдинами, лишь поскольку ему это нравится, живетъ съ возможностью отвлекаться отъ труда для хорошей музыки, прогуловъ пѣшкомъ и верхомъ, для шахматной игры, для бесѣды съ многочисленными посѣтителями, которые часто служатъ предметомъ интересныхъ наблюдений, а крѣдко привозятъ съ собой новости важныя и поучительныя. Особенности личной жизни Толстого, которыя, повидимому, являются отвѣтомъ на его требованія личнаго усовершенствованія, не могутъ удовлетворять людей, увлеченныхъ его идеалами. Пища вегетаріанца, простая одежда, близкая къ платью рабочаго люда, чередованіе умственныхъ занятій и ручного труда, бесѣды съ крестьянами и подача имъ совѣтовъ не являются даже намекомъ на то, какъ долженъ жить проповѣдникъ, который служить людямъ примѣромъ въ духѣ Толстого. Стоить только быть